

«Захватывает, поражает и часто создает эффект присутствия... Эта “головкружительная” книга о кардиохирургии не менее важна, чем книги о ядерных, компьютерных или космических достижениях. Теперь кардиохирургия имеет свою историю, как она того заслуживает».

Джеймс Макконахи, Sunday Times

«Исследования, ставшие основой этой книги, просто поразительны, и Моррис достиг гораздо большего, чем просто рассказал об истории операций на сердце... Эта книга об исследованиях, стимулируемых олимпийскими амбициями и бездонной любознательностью. Эта книга, в конце концов, о чудесах, и сама она просто чудесна».

Франсес Уилсон, Daily Telegraph, 5 звезд

«Захватывает... В этой книге подробно описаны изумительные достижения, совершенные за последние сто лет».

Джон Крейс, Guardian

«Томас Моррис написал не об истории медицинских представлений о сердце, а об истории кардиохирургии... Его рассказы быстро сменяют друг друга: последовательные, противоречивые, восхитительные... Моррис совершил нечто уникальное: рассказал об истории не столько людей, сколько процедур, но сделал это живо, увлекательно и подробно. Эта книга какая угодно, только не скучная».

Гэвин Фрэнсис, New Statesman

«Я рекомендую эту книгу всем, кого восхищает мир медицины... Очень увлекательная история».

Wall Street Journal

«Так как сегодня загадки кардиохирургии разгаданы, мы забываем о том, что когда-то вторжение в торакальную полость казалось не менее пугающим, чем полярная экспедиция.

Как говорит Томас Моррис в своих вдохновляющих хрониках, даже прикосновение к бьющемуся сердцу на протяжении долгого времени считалось невозможным... Это история о находчивости, рассказанная на примере 11 важнейших операций... Книга также богата волнующими деталями, например, об инъекциях стрихнина и виски, которые делали во время первых операций».

Барбара Кизер, Nature

«Захватывающая и интригующая... Она полна историй о выживании вопреки, упорстве, находчивости и удивительных подвигах... Моррис искусно написал интересную книгу, которая охватывает большой объем материала».

Манджит Кумар, Literary Review

«Томас Моррис делает для истории кардиохирургии то же самое, что сделали герои фильмов “Парни что надо” и “Скрытые фигуры” для исследований космоса... Эта захватывающая книга понравится всем, у кого, в прямом и переносном смысле, есть сердце».

Марк Лосон, актер

«Потрясающе. Интереснейшая книга о древней истории кардиохирургии и ее сегодняшнем применении. Она богата необычными деталями и рассказами, которые вас поразят. Чудесная книга».

Мелвин Брэгг, радиоведущий

«Выходя за границы этого важного и сложного мира, Моррис беспристрастно и честно рассказывает о пионерах и их достижениях... Умная книга».

Венди Мур, The Times

СОДЕРЖАНИЕ

.....

Вступление	8
1. Пуля в сердце	15
2. Синюшные дети	47
3. «Отчетливое шипение»	87
4. Ледяные ванны и обезьяны легкие	125
5. Резиновые шарики и свиные клапаны	169
6. Метрономы и ядерные реакторы	211
7. «Выраженные и специфические симптомы» ...	259
8. Одна жизнь, два сердца	297
9. Механическое сердце и СМИ	347
10. Фантастическое путешествие	389
11. Я, робот (хирург)	429
Благодарности	475
Алфавитный указатель	477

ВСТУПЛЕНИЕ

.....

Несколько месяцев назад я прогуливался по большой университетской клинике вместе с врачом-консультантом¹, одним довольно видным хирургом, как вдруг он повернулся ко мне и спросил: «Почему вы хотите написать книгу про кардиохирургов? Мы же все психопаты».

Признаюсь, у меня и был соблазн ответить: «Как раз именно потому, что вы все психопаты», но я лишь засмеялся. И даже притом, что этот любезный мужчина обладал впечатляющей способностью полностью завладевать любым разговором, я был вполне уверен, что никаким психопатом он не был. А проведя не-

¹ Врач-консультант или просто консультант — самый старший врач в больничной иерархии в Великобритании. Распределение врачей по старшинству следующее: студент-медик — интерн — старший интерн — ординатор — старший ординатор — консультант. Все до консультанта называются младшими врачами. — *Прим. переводчика.*

мало часов в компании кардиохирургов — как в операционной, так и в более неформальной обстановке, — я не переставал поражаться, насколько сложно на них навесить какой-то общий ярлык. Конечно, была пара человек, которые без лишней скромности рассказывали о своих достижениях, искусно уклоняясь от любых вопросов, которые угрожали перевести общение на более нейтральный уровень, где им было бы не так выгодно. Но застенчивость других вызывала чуть ли не умиление. Они с большей охотой говорили о своих наставниках и пациентах, нежели о самих себе. Третьи же и вовсе восхищались исключительно деталями своего искусства и могли подробно рассказывать о разных методиках и разнообразных процедурах, пока в дверях кабинета не появлялась голова отчаявшегося секретаря, чтобы напомнить, что их ждут куда более важные дела. Большинство врачей производили впечатление нормальных и вполне уравновешенных людей — разве что они, может быть, были более уверены в себе, но при этом оставались дружелюбными и отзывчивыми и явно были преданы заботе о своих пациентах.

Таким образом, поначалу я решил, что слова про психопатов — это не более чем самокритичная шутка. И все же, почему он сказал именно «психопаты»? «Эгоисты» или «нарциссы» прозвучало бы не менее забавно и было бы даже более уместно. Но потом в «Вестнике королевской коллегии хирургов Англии» я наткнулся на исследование, авторы которого задались вопросом: «Хирурги — психопаты?» Они оценили 172 хирурга на наличие у них характерных признаков психопатии, в том числе «макиавеллиевского эгоцентризма», «влияния на людей» и «черствости». Хирурги набрали по этим параметрам особенно высокие показатели, и по склонности к психопатии их превзошли только

Только полностью уверенный в себе человек может взять в руки скальпель и сделать надрез на сердце.

педиатры¹. Наиболее распространенными характерными чертами для хирургов оказались иммунитет к стрессу и бесстрашие — качества, которые, как отмечают исследователи, «полезны или даже необходимы» при оказании помощи в сложных ситуациях.

Вскоре после этого мне довелось провести целый день в операционной Марджан Джахангири — одного харизматичного хирурга, работающего в больнице Святого Георгия в

Тутинге. Стоя рядом с анестезиологом у изголовья операционного стола, я мог прекрасно разглядеть, как профессор Джахангири готовится заменить пораженный болезнью сердечный клапан. Первая половина опе-

Во время операции сердце превращается в отдельный ни с чем не связанный орган.

рации была уже позади — пациенту вскрыли грудную клетку, и я отчетливо видел его неподвижное обескровленное сердце, обязанности которого временно взял на себя стоящий в паре метров аппарат искусственного кровообращения. Профессор Джахангири взяла пару ножниц и одним уверенным плавным движением перерезала аорту — артерию, переносящую насыщенную кислородом кровь от сердца к остальным органам и тканям. Непроизвольно я сделал глубокий вдох: меня потрясло то, с какой невозмутимостью она это сделала, тем самым превратив сердце из неотъемлемой части человеческого организма в отдельный и ни с чем не связанный орган.

Почему это так меня шокировало? Лишь позже, наблюдая, как она заменяет неисправный сердечный клапан пациента и восстанавливает аорту с помощью синтетического трубчатого имплантата, я понял, в чем дело. В эту секунду пути назад

¹ Как указывают авторы исследования, используемый ими тест «выявляет психопатическую личность только в случае, если человек демонстрирует высокие показатели по всем подгруппам». Наличие нескольких признаков, типичных для психопата, — это далеко не то же самое, что на самом деле быть им. — *Прим. автора.*

уже не было. Пациент теперь полностью зависел от мастерства опытного хирурга, который должен был помочь ему покинуть операционную живым с сердцем, которое снова будет биться. Только полностью уверенный в своих способностях человек мог взять в руки эти ножницы и спокойно сделать свое дело.

Вот тогда я и понял, каким, оказывается, бесстрашием необходимо обладать всем кардиохирургам, чтобы выполнять свою работу.

Однако каждому современному кардиохирургу хоть раз, но доводилось терять пациентов. И им всем приходится мириться с отрезвляющим фактом, что жизнь от смерти может отделять одна-единственная ошибка. Вместе с тем кардиохирургия наших дней куда безопаснее, чем в былые времена: огромное количество операций стали рядовыми и настолько безопасными, что подавляющее большинство пациентов ждет полное выздоровление. Большинство хирургов, каждый раз заходя в операционную, рассчитывают, что их пациент обязательно выживет. Так и происходит в большинстве случаев, однако случается, что пациенты все же умирают, и смерть их производит шокирующий эффект, поскольку такие случаи теперь очень редки. Каково же было заниматься этой профессией на заре ее появления, когда смерть была не просто частым гостем, а постоянным спутником каждого кардиохирурга!

Врачи были настолько убеждены в исключительной уязвимости сердца, что вплоть до последних лет девятнадцатого века не смели его даже касаться. Первая операция на бьющемся сердце была проведена в 1896 году, однако почти сорок лет после этого единственным возможным хирургическим вмешательством в область сердца было только наложение швов при ножевых или пулевых ранениях. Специалисты

Врачи до XIX века были убеждены в уязвимости сердца, что не смели даже касаться его.

Томас Моррис

были убеждены, что в один прекрасный день скальпель сможет избавить человечество от многих проблем с сердцем — и они были правы, однако чтобы прийти к этому, понадобились многие десятки лет, а также небывалое количество смертей. Единственный способ установить эффективность той или иной процедуры — протестировать ее на пациенте. Но подходящие для таких экспериментальных операций многочисленные кандидаты, как правило, были настолько больны, что помочь им было практически невозможно и их, скорее всего, в любом случае ждала смерть. Таким образом, пробуя новые операции, хирурги заранее готовились к тому, что мало кто из их пациентов сможет поправиться, если вообще выживет. Причем на кону были не только человеческие жизни: каждая серьезная операция на сердце сначала испытывалась на кроликах, собаках, обезьянах, телятах или свиньях, и животных этих были тысячи — на протяжении двадцатого века подопытных животных на операционных столах умерло гораздо больше, чем людей.

Первопроходцам в столь жестокой части медицины было не обойтись без упорства и невероятной эмоциональной устойчивости. Неудивительно, что многие из тех, кого

Еще 50 лет назад кардиохирурги были самыми яркими и высокооплачиваемыми специалистами в мире.

привлекало такое суровое занятие, были сильными личностями с твердыми убеждениями и непоколебимой верой в свои собственные силы и способности. Это была настоящая медицинская элита: сейчас все об этом позабыли, но пятьдесят

лет назад кардиохирурги были самыми яркими и высокооплачиваемыми специалистами в мире, настоящими знаменитостями, которые попадали на обложку журнала «Таймс» и водили дружбу с королевской семьей и кинозвездами. Некоторые сколотили колоссальные состояния, обзавелись недвижимостью и роскошными автомобилями; другие

жертвовали значительную часть своего огромного дохода больницам, в которых работали. Многие были настоящими тиранами, невыносимыми людьми, трудоголиками, работавшими семь дней в неделю и требующими того же от своих подчиненных, ну и жесткая конкуренция была обычным делом. Как правило, врачами были мужчины — на протяжении многих лет кардиология считалась исключительно мужским клубом, и женщин, в более-менее значительном количестве, стали принимать туда лишь на рубеже тысячелетий.

**Количество жертв
в истории кардиологии
весьма внушительно.**

С тех пор многое изменилось. Если в шестидесятых годах кардиохирурги и считались практически божествами, то как минимум из-за того, что их просто было слишком мало. Сегодня в одной только Великобритании существует почти пятьдесят кардиохирургических центров, а в любой развитой стране есть сотни или даже тысячи обученных хирургов. Эту профессию больше не окружает ореол таинственности, а хирурги (за малым исключением) добровольно спустились с пьедестала. В некоторых больницах лечением больных в кардиологических отделениях теперь занимается целая бригада специалистов. И анестезиологи, хирурги, кардиологи и рентгенологи играют в ней равнозначные роли, а обсуждение состояния пациента проводится исключительно в его присутствии. То есть прежние диктаторы стали членами демократической ассамблеи.

Хотя количество жертв в истории кардиологии весьма внушительно, в ней полно историй с неожиданными выздоровлениями, будоражащими открытиями, а также немало моментов торжества человеческой изобретательности. Героями и героинями этой книги стали не только те, кто держал в руках хирургические инструменты, но многочисленные психологи, инженеры, биохимики и изобретатели, которые делали возможным труд кардиохирургов; ну и, конечно,

Томас Моррис

сами пациенты со своими родными и близкими, добровольно согласившиеся участвовать в этих экспериментах. Эта книга не претендует на всестороннее освещение истории кардиохирургии. На ее страницы попали лишь избранные операции. К моему великому сожалению, мне не удалось упомянуть в книге все события и всех людей, которые внесли свой вклад в развитие кардиохирургии. Двигателями прогресса были как отдельные, стремящиеся превзойти всех остальных, личности, так и группы людей. Но, несомненно, все достижения врачей были настоящим чудом, и я надеюсь, что читатель разделит мое восхищение этими отважными первопроходцами.

1 ПУЛЯ В СЕРДЦЕ

Стоуэлл парк, Глостершир,
19 февраля 1945 года

.....

В пяти минутах езды от симпатичного городка Нортлич, что в самом сердце Котсуолд-Хилс, находится паб под названием «В гостях у Фоссебридж» (*Inn at Fossebridge*). Если оставить здесь машину, как это как-то сделал я ветреным весенним днем, и забраться на крутой склон, то окажешься в небольшом лесу, лежащем позади римской дороги Фосс-Уэй. Место это умиротворенное, повсюду слышно пение птиц, и, когда пробираешься через заросли, почти невозможно поверить, что именно здесь состоялся один из величайших подвигов современной медицины. И тем не менее, семьдесят лет назад именно в этом ничем не примечательном леске родилась современная кардиохирургия.

Деревья, какими бы высокими они ни были, посажены всего несколько десятилетий тому назад, и некоторые следы от того, что было здесь раньше, по-прежнему виднеются под ними. Среди мха и опавших веток про-